

Из
ДРЕМУЧЕЙ ЛАВКИ

("фрагменты эпоса" (?))

* * *

Я поражен' бесконечностью оумрачной дрожи
Строчки, которую постоять не суждено:
Все она теплится, все воплотиться не может, ---
Время уходит, и гаснет под утро окно.

Медленных невыразимостей: власть безысходна,
Сердце обрядет в окале воплощений итог, ---
Но между снами, под вечности светлые своды,
Жизни твоей: проточила немой ручеек...

Мы переждали! упущена нить золотая!
Мы засыпаем, --- прощай, полупризрачный вздох!..
Но между снами --- рожденная строчка мерцает, ---
Кто же прочесть ее, невыразимую, смог?..

..... * .. * .. * ..
"...ЗАБЫТЫЙ БОГ! МОИ ГЛАЗА ПУСТЫННЫ,
РАСТАЯЛА МЕЛАЗМАЯ ВИСЬ,
КОГДА ИЗ СЕРДЦА СКАЛЫ ВОЗНЕСЛИСЬ,
И ОБЛАКА КАЧНУЛИСЬ И ЗАСТЫЛИ.
КОГДА НА ДНЕ СОЗНАНИЯ, НА ДНЕ
ПУСТОГО СТРАХА --- ВЫРАСТАЛИ КАМНИ,
В ЧЬИХ ТРЕЩИНАХ НЕМЫМИ ПАУКАМИ

ПОЛЗЛИ ВОСПОМИНАНИЯ ОБО МНЕ,
КОГДА В МОЛЧАНИЕ ВЯЗКОМ ЗАБЫТЬЯ
ПЕСЧАНЫХ ВОЛН ВЗМЫВАЛИ В НЕБО ЗВЕЗДЫ,
КОГДА Я, ПАВШИЙ, В КАМНЕ БЫЛ ОСОЗНАН; --
ЗАБЫТЫЙ БОГ, ЗАБЫЛ ЛИ ТЫ МЕНЯ?.."

.....
.....
..... * .. * .. * ..

"...Но даже в черных днях
Отыщем водоём
Целительной, забытой книги яда,
Очищенного в сумрачных корнях,
Которыми ползем,
Дабы деревьями божественного взгляда
Восстать и душ своих взорвавшую клеть
Сквозь паутину радуг разглядеть!.."

.....
.....
..... * .. * .. * ..

СЛИТОК СВИТКА В ПРУДУ ЗАТОНУЛ
НАКЛОНЯСЬ НАД ЗЕРКАЛЬНОЙ ВОЛНОЙ
ОЖИДАЮ ПРИЗЫВА К ДНУ
НА, ДОЗВОЛЕННЫЙ НЕБОМ ПОКОЙ
ЗНАЙ ЗА ЗЕРКАЛОМ Я РАСПРОСТЕРТ
В ГЛУБИНЕ В ТИШИНЕ ВЕЕР ДНА
СЕРДЦА ЧРЕЗ ИВРОГЛИФ ЦВЕТЕТ
ЛОТОС ЧУДНЫЙ СВЯТАЯ СТРУНА
О КАК САМОЗАБВЕННА ОНА
БРАХМАЛОКА ВЕЛИКОГО СНА
В СВИТОК ПУТЬ СВОЙ СКРУТИЛ ПИЛИГРИМ
ВЛИЛ ДО ДНА ПРУД ПРОЗРАЧЕН НАД НИМ
О КАК ОН ОЗАРЕН СИНЕВОЙ
И ТАК БЫЛО ТАК БУДЕТ ВСЕГДА
МОВГО СЛИТОК СВИТКА ЗЛОТОЙ
БЕСКОНЕЧНОСТЬ ОЗРИТ ИЗ ПРУДА
СТОЛЬ СПЛОЧЕННЫЙ В СЕБЕ ЧТО НЕВМОЧЬ
ЗНАКОМ ЗНАК ЗАМЕНИТЬ ОТДЕЛИТЬ
СЛОГ ОТ СЛОГА В БЛАЖЕННУЮ НОЧЬ
ВЕЧНО ДАБЫ ЗВЕЗДОЙ МОГ СВЕТИТЬ

Изумрудных крыльев аромат.
Крылья поднимались и хрустели,
Синим светом крапинки горели
И слетали плавные метели.
Моноotonно бабочка текла
И сплошной завесой в синих звездах.
Шелестела, плавилась, и сплав
Ароматом переполнил воздух.
Сонный бархат, полный бирюзы,
Щумно падал, тихо поднимался.
И, внезапно вспыхнув, загорался,
Но несуществующим казался.
Звонкой каплей набухал полет;
Лес вдали, навязчивый и хмурый,
Фосфор медленно на старых пнях цветет,
Дремлют блики, тени и фигуры.
Крылья поднимались и хрустели,
Рядом в травах теплый ветер жил,
В темноте поскрипывали ели,
Скрип тянулся, всхлипывал и плыл.
Синим светом крапинки горели,
Вздрагивали остро и тепло,
И в кольцеобразном темном теле
Их лучей владычество текло,
И слетали плавные метели
В нем лучи и звали поскорей
Полететь, и сами полетели
Прежде, чем полет проснулся в ней.
Моноotonно бабочка текла,
И дрожал экран воображенья,
А вокрут вибрировала мгла

До истомы; до изнеможенья;
 И сплошной завесой в синих звездах
 Возникали крылья над землей,
 Лес невидим — до конца осознан —
 Он исчез, а бабочка живет.
 Шелестела, плавилась, и сплав,
 Постепенно накрывая стебли,
 Всю усталость их в себя вобрав,
 Приносил росу на лезвием гребне;
 Ароматом переполнил воздух;
 Тонкой скрипкой переполнил слух,
 А на небе сумрачном пастозно
 Синих красок набросал игру.
 Шумно падал, тихо поднимался,
 Распадался праздничный наряд,
 И клочков торжественная масса
 Осыпалась, словно виноград.
 И, внезапно вспыхнув, загорался
 Взгляд в глубоких выпуклых глазах,
 Отмечая, как, рассыпав краски,
 Представал последний слабый взмах.
 Но несуществующим казался
 Взмах крыла с опавшею пыльцой,
 Желтый взгляд к ресницам возвращался,
 Пелену набросив на лицо.
 Звонкой каплей набухал полет,
 Но сорвалась капля и открыла
 Все, что за ночь вобралось в нее,
 Все, что прятали развернутые крылья:
 Лес вдаль — навязчивый и хмурый —
 Потянулся, скрипнул и зевнул,
 За холмами солнце покачнулось,
 Прокатился розоватый гул;
 Фосфор медленно на старых пнях цветет,
 Отцветает, меркнет, умирает,
 Контур крыльев теплится, плывет
 И, слегка подрагивая, тает.
 Дремут блики, тени и фигуры —
 Но вот-вот очнутся и сотрут
 Неоглядной пустотой лазури
 Боги дня таинственный укт.
 Исчезает бабочка, а с нею

Влага опрокинутой слезы,
А в пожаре мечется и тлеет.
Сонный бархат, полный бирюзы.
Догорают синие ресницы,
Облака рождая невпопад,
Но весь день деревьям станет сниться
Изумрудных крыльев аромат.

.....
.....
.....
.....

..... * .. * .. *

Обваривший откосы парильни зятонов ушат,
Многобоки оскалы напресных грез бытия:
Заманил, точно посохом дивьего звона кружа,
За порог усвистал сон проказливый, роз чешуя;
Заострил поздних рос камарилью, то ли, спеша,
О дороге зазвал — тёрна лазом, возле ручья
Говорил: звездный плес подарил! — укромен и шал,
В огородах лежал, черным глазом звезды жуя.
Я уж издревле, мол, — раздавался кристальный поток
Выплывающий Веспер востока лучами смешлив,
Допивая с ним вместе от рока отчаянных нив, —
Все мы изданы в шелковом царстве окраинных строк!
Словно стреляный след от скорбей обретенных миров —
Кровной трели рассвет, воробей пробужденных хлебов.

.....
.....
.....
.....

..... * .. * .. *

..... Бабушке, Софье.....

...Дитя украдкой крести, . .

Дитя тобою не угадано,
София, — сон, клубень ладана,
И даль пути...

Явь яблока — до зерен свет его, —
София, сон! — песнь, урожай,
Зрак памяти завета светлого,

Злак жертвенный, на злаке — ржа...

София! — детства сон и сонны
 Преображенные плоды,
 И не пугающе иконы
 Глядит на дно моей бедн.

Шуметь бы дереву из притчи листвою!...
 София, пьян твой хлеб, но мудр твой сон,
 Дитя украдено язычеством.....
 И божий дом давно снесен.....

София, мед! но для меня бы,
 София, — ладан все, исполненный
 Свечения прозрачных яблок.
 Той церкви голубого поляня!

Быть может; серафимов соннице —
 Аляповата роспись, стих! —
 Мне и в последний час припомнится —
 И даль пути,

И тополей рассветных пух летит
 Сквозь чад отчаянных времен,
 И мудро терпеливый лик глядит,
 Как если буду я спасен...

Как ты был счастлив, мир, не ощущавший
 Отсчета времени, застывший в полумгле
 Зеркальной, самозидившейся чашей
 На золотом божественном столе!..

Разбилась чаша, отчего — не скажешь словом,
 Но лишь припомнишь солнечный мотив,
 Когда в груди очнувшийся осколок
 Запляшет, сердце взглядом одарив:

Пускай луч взгляда вечером сегодня
 Осветит веточку сухого олеандра,

Завороженную в продолговатой вазе .
Молчаньем пропасти, разверстой под окном;

Пускай высвечивает завтра луч упрямый . . .
Перстов полупрозрачных хладный трепет . . .
И губ нашептывающих прикосновенья .
К смертельным ягодам, оранжевым, душистым...

Пусть хоть когда-нибудь наш мир, невероятно.
Раздробленный, --- единством --- воплощаемым
В засохшей веточке, рождениях Мореллы, ---
Познает взгляд и пропадет счастливым!..

..... * .. * .. *

Увы! притворство правду говорит:
Не свергнуто двоящееся царство.
Ты возродишься у великих плит,
Не узнавая вечного коварства,

И вдаль пойдешь: И вправду далека
Твоя дорога до рожденья боли!
И будет поступь сонная легка,
И защекочет ноздри ветер воли:

И кто подскажет радости твоей.
Упасть и плакать, не сходя на землю!
Но ты спешишь, ты жаждешь новостей,
Гуденью плит оставленных, не внемля.

..... * .. * .. *

НЕ ПЛАЧЬ, КАК СЛОВО, ЗАВЯЗАЯ В КАМНЕ,
НО РАЗБИВАЯ СЕРДЦЕ, АНГЕЛ МОЙ, ---
НЕИЗРЕЧЕННОЕ, ВЗМАХНУВ КРЫЛАМИ,
КРИЧИТ ПОСЛЕДНИЙ РАЗ НАД ПУСТОТОЙ,
ПЕЧАЛИ СМЕХ НЕ ЗАГЛУШАЯ В СПОРЕ

СУДЕБ, — И ЗОВ УЖЕ НЕ ПО ТЕБЕ
 ЖЕЛАНИЯ, ЧТО СВЕТА ГОРЯ
 ИЗ ТАИНЫ ЭКА В ИЗНАЧАЛЬНОЙ ТЬМЕ...

.....

 * .. * .. X,

 Бедность моих отчуждений не такова,
 Чтоб терпеливейший штрих угасал, непреложен.
 В памяти лишь, где застывшие туч острова.
 И водопад на рисунке, что был уничтожен.

..... В мид той обвяденной заотылости вод наклонясь, —
 Тенью отчетливой громко низринуться об ними
 Вниз, успевая, ожившей пеной кружаась; —
 Тучной тоской отражаться в качнувшейся сини.

Так, может быть, неподвижность рисунка сотру.
 Небо, о дай же звучание крику той птицы,
 Что, всколыхнув барбарисовый куст, на ветру
 Правит паренье и дрезнит меня возвратиться!..

..... РАСТВОРЕННЫЕ

Не плакала сосна — торжествовала
 Янтарной радостью поэмы красноствольной,
 Хлебнувший, хмеля в хвойных опахалах
 Прозрачный воздух рвался в мир наш дольний,
 Хрустящее пространство, настигая
 Всей силой света, зелени и мглы.
 Кипучих веток; смехом птичьей стаи; —
 Как бы сказало: мы ему милы.
 И сможем, здесь приноровиться к тиши,
 Щепчась кустами, мхами зарости,
 Ползти в корнях, и по стволам, и — выше
 В неторопливых образах пути,
 Пусть лет пройдет неисчислимо много —
 Здесь будет просто некому считать:
 Заброшенная желтая дорога,
 Из наших тел проложенная гать...

Лишь иногда — как и теперь — и вечно.
Случайный шаг введет людей сюда,
В багульник дымный скажет шепот лечь им,
И ключевая зажурчит вода, —
И песня эта сердцу не наскучит, —
Не забытьё, но верность бытию,
Когда набухшие сиреневые тучи
Напоят сочным ритмом сень твою,
Наполнят ощущением простора —
Без неподвижности умышлённой границ, —
Когда под молниями рвутся мухоморы
Из глубины, распластывая ниц
Обычных жизней суеверный трепет, —
Что звездам чужд и не познал земли, —
А шляпки наливаются и крепнут,
Чтобы раздавленными в полдень быть в пыли...
Земля исчезнувших!.. Откройся и сокройся —
Все неизменно в местностях тоски,
Скользят во тьму испуганные лоси,
Когда бредут гурьбою грибки.
Вернись в предощущение печали! —
Там вспомнишь прежний облик, здесь слепой,
Там, исчезая, вечно расцветали.
И мир вели негибущей тропой
К исчезновению, и пробуждалось море,
И мальчик снова находил янтарь,
И бесконечность зыблилась во взоре
Лукавой искоркой всеведенья, как встарь, —
Улыбкой! — именно — прозрачную улыбкой,
Ознобной ясностью покоя бирюзы,
Хранящей твину — мир простой и зыбкий,
Как терпкий сок грибной после грозы,
Как наша непонятная тревога,
Когда под щебет надоевших слов,
Свернув с дороги, — не узнали Бога,
Ломая ветви для своих венков.

С В В
У И О
Х Х С
У Р С
Ю Ъ Е
Н И
П А И
Ч Е Н
Л Е С
З А
Н А Т
Р И
С У
Н О
К

Ф Н Ф
А Ш А
Н Ш К
Т Л Л
В И Л
С И О
Т П М
И С С
Ч Н Ч
А Ч К
Н Й К
Н О Й
Ч З
Ь А
М
О
К

Э С Д
Е Л Р
Л А В
Е Д Н
Н К Е
Ь О М
В С У
Е Л
Р Е К
Ш Д О
И И Р
Н Т Н
Ь Ю
О
Б
Л
А
К
В

Ц В В
В Е С
Е К Н
Т И Е
Т Б Ж
О О Н
А Ю С
Б С Е
Р И В
К Р Е
О Я Т
С З В
М Е
Ж И
И Т
Ь

В В В
Е Е Э
Т Т О
О Ч Н
К О М
А П
В К Р
Ш А Е
Н И С
Я В Т
И В И
С Ш
Ь И

С В В
Т А Г
Р Л П
С Ю Ъ
К И С
О Р Д
Б О М
Н А Ч
И С М
Я Т Р
С Я Д
Ц А Н
И Х

Т
А
Н
К
А

С О Т В Э
О Л Т М К
И Е Ш К Р
Ц Е А К С
А Ъ Л Т Л
Я О Е А
К А И С
Р К В Ж Я
Ш Х О У Т
К О Р Е В Р
И Ш О Р М
О О Ш Р В
О О О Ч А

..... * * *

Осень сошла, сошла
Поздняя осень сердца,
На перекрестках зла
В желтых домах греться.

Этот мир за окном,
Этот наджизненный трепет,
Словно и не живем, ---
Нету тебя, нету!

Словно растерзанный лик, ---
Сломленный, незаменимый,
Смертью, смертью возник,
Песню нетерпеливой.

Как? неужели Она
В тусклой, развернутой сваре,
В грязи, в копоти дна ---
Легкою киноварью?!

Света ли слепота
В очи пустые, в плиты...
Как? Неужели с листа ---
Шелест немой молитвы?

Боже! но я ни при чем!
Я никогда и не был...
Вечность --- светла --- течет,
Землю стирает небо.

..... * * *

Опять дождливой ночью будет сниться
Угар погони сквозь корявый сад,
Опять на обгоревшей колеснице
Промчусь, и кони дико захрипят.

Но странно: неподвижны в небе стаи
Высоких птиц --- лишь слышу песен гр

Деревья, раздеваясь, ускользают,
А я в их спины врезаться боюсь.

Они бегут, ломая корни, трижды
И ранен буду, наконец свалюсь,
Уставлюсь в небо: птицы неподвижны. --
И, пробуждаясь, снова удивлюсь.

Я сон забуду, открывая двери, —
Промозглой серостью октябрь объят,
В саду застыли голые деревья,
А в небе птицы грустные летят.

.....
.....
.....
.....
.....

..... М А Л Ы

..... (Ст. Изборск)

..... Е. Ш.

Парома скрип в тумане и громады
Холмов из охры, путь к монастырю,
И: зыбкий, зябкий день еще храню,
Как поздний маков цвет чужого сада.

Калины алым шарикам — отряда
Катиться по осеннему ручью
И: впасть, быть может, в мощную струю
У мельницы умершей водопада.

И, словно в память, в землю крест врастает,
А лес толпой воинов сбегает
К седому озеру с пятном челна.

Остаться бы... Но вечер настагает,
А смутного родства стезя ясна,
Глазами ягод с памятного дня.

.....
.....
.....
.....
.....

Как беззвучно вращались колеса! Прощай,
Созерцатель спокойных картин!

Я останусь, покину тебя невзначай,
Оглянусь, — но уже не один.

Я поклясться готов, что любви не искал,
Кем ты в память мою внесена?
Но нагрянули воды в забытый канал,
И погибла на дне тишина.

Мне б обвиться молитвой, избыть, растерять
Этот ритм, забытый в стихах,
Этот страх отражения, светлую статью
И руки полужнак, полувзмах.

Небо, ветром сносимое, выло и жгло.
В глуби глаз, в предрождении слез,
И затменной луной наше счастье возыло
На никчемный, на сумрачный мост,

А когда настигает врасплох на мосту
Бог-томление, звездный палач,
Обучи мое сердце сносить пустоту
И доверься ему, и заплачь.

Мы танцуем под лезвием танец тоски,
Мы танцуем и молчи поем,
Наши ночи легки, наши ночи легки,
Нет ночей наших, в сердце моем.

Прошуршит кипарис в незабвенной стране,
А дорога светла и мягка,
Но испуганный, взор замирает на мне,
И сжимается робко рука.

Ни о чем не жалеть на холодной земле
Под колесами древних карет,
И качается мост, и проходит по мне,
И вползает в осенний рассвет.

.....

.....

.....

.....

.....

..... * .. * .. * ..
О тебе вспоминая все реже,
На пишу тебе этой зимой,
Но, как всплеск у глухих побережий,
Возникает твой голос порой...

..... * .. * .. * ..
В зеленом зареве разбуженного хмеля
Возник твой носик розовый на миг,
За изгородью цепкой, там, нагая фея,
Где я тебя когда-нибудь настиг,
Где оладкий двор под солнцем так тянулся,
Как будто ты нависла надо мной,
Но все же я тебя не прикоснулся, —
Там будто все нао разделял прибор.
Стихий, острова ветров, могильники атоллов,
Там будто все, стремясь на корабле
За тенью, не промолвившей ни слова,
Твоей, — вот и теперь пропавшей во дворе
Протяжном, где совется расчлененье
Душ и вместилищ всех их душевных грез, —
Мгновение продолжилось, творенье
Чудес из слез и судорог — нашлось!

И, разрывая стебли, шипек мягкотелых
Я на голову вовсе не олагал,
Я полз в шуршащих закоулках хмеля
И голоса призывного взалкал,
И обретал призыв непроявленья,
И ожиданье другом: было мне —
Хмельное неизбывное томленье,
Где ноготки твои блуждали по спине!

..... * .. * .. * ..
...Вдруг неожиданно вбежишь, как существо
Неведомой, возторженности... Боже! —

Какое светится во взоре торжество,
 Как все это на вечный сон похоже!...

Но легкий вихрь дверь отворит во двор,
 Заросший буйными цветами, и мгновенно
 Осознаешь: все было, о давних пор --
 Все это есть, и будет. Напрямую.

..... Из "Эскизов к портрету боли".....

(6, 8, 10)

Высоких вотрех подруга пляшет предо мной
 Видения, морей летят над головой.

Пронзительно последний холст под солнцем

И чайка над застывшею волной:

Художник переписует эту боль

Зудящей бесконечности струной

Быть может -- колокол

Скорее -- плаха

Под кистью слез и сумрачным окребком

Под чистый цвет страдания и страха

В сокровенном приделе олепшего рыцаря кроти и слова

С точки зрения глаз на иконе Христа

И не отхлынет волна

И сфинкс усмехнется под клею ухватимой звезды

Воплоченье грядущей любви

Ты -- поиск иных перспектив

О палитра мудрейших высот

К оссидацию воеленных из боли

Ты -- истина воли

Уводи: чаровница

Летим:

Утром там чашечка кофе узорная трубка цветы

Ах как помнишь мерцали у вод безмятежных

Осмысление крова:

Океаном -- кастаньольский родник

Лавры для всех

Иерархия смеха вне окорбных теней святотатства

Ты в боли моей потеряться не смеешь --- останься
Рывком саксофона --- быть может еще побывать
Нам вместе в кафе герметическом где погибать
Приходят очастливые тени ---

Останься,
В любви моей боли на выстрел струны оглянись ---

Коньяк недопит недокурена оладкая дынка ---

Скульптуры экстаза

Блудливые очи наложниц в зеленых трико ---

Непрерывная оргия боли ---

Банальное вечное празднество встречи со смертью ---

Быть духом не думать о боге --- останься

Мы плюнем на снобов

Оставим наш холот остывать

Навеки в прощени неизречённой удачи

На острове дальнем у самого рта океана

На зоркой пластинке в порушенной книге рояля

В безмыслии верного транса кных побережий

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

В каком-то смысле это --- тишина,

Всплывающая с илистого дна

Моей души...

Но если честно, это --- соловей,

Угасший на развалинах ветвей

В судьбы глуши,

В глуши, в глуши!..

...Кто бы ты ни был на помощь скорее сюда-а-а! ---

Гибнет сон счастья в себе и за гранью себя же,

И, бездной созвездий хлестнув, завопят провода,

В смерть низводя под ухватистым ветром пропажи...

То --- предвестие!..

...Это понять нелегко...

И тому, кто замислил худое --
 Не под силу -- не силе подвластно святое! --
 Плавать более, чем глубоко,
 Если: целит мне: лезвие в горло --
 В час тот дайте заснуть в ароматные воды: пруда!
 -- Тот где сон: -- навегда! --

... Там не зелень ли дуга закатного, Господи Боже,
 То не рай ли мой ласковый строк? -- тишина
 Бестревожная, даль не видна: -- бездорожье
 Холмов -- путь тенистого,
 Славного сердца... И было потом:
 Так понятно, что тропы еще не протоптаны!
 Так, статичным глотаемый сном, --
 Прозревал,
 И рождала Земля,
 Плыли, как облака молодые...
 На коленях ли, лежа,
 Поддерживаемый, токами, себя в себе --
 Не хотел бы, вернуться!..

Пруд...

(Вы помните, рыцарь, его?..)

В тихом кайфе в мягком шелесте утех.
 Тех сбывающихся в дольных областях
 Неожиданно закончившийся смех
 Нам конечно небожители простят
 В час прощания о измаявшемся днем
 Подождем последнего призыва
 И останемся и весело замрем
 В час прощания покойно незлобиво
 Вот и всё что стоид этот путь
 Иakupлений: ритмы лаоковой и гуще:
 В тихом кайфе в душной зелени уонуть
 Дай тревожный мой стремительный: зовущий.
 Не пронзает боль исканий: и утрат
 Строчки пользой обрастают где-то
 И земли остекленеет взгляд

В темноте стустившегося света:

Опылённый, взрывавшийся 'вздых. (

По ту сторону всего, что пережито (1

В тихом кайфе несвершившихся дорог

Отдаемая не забыты: не убиты:

Вот и всё воздушный водоем

Наокомые взвоятся острова

Образующихся образов потом:

После: памяти проникшей за слова

.....

.. Из "Вольных мыслей, по поводу

.. "Боли, б вам здесь побывать", 7....

.....

Скользила совесть мира по оврагам, (

Стелилась в девственном восторге пред собой

Туманами, традиционными, как миф (

О сотворении, а дело было к лету,

В каком-нибудь углу плыл пар от кипятка, (

В каком-нибудь другом, творя объемы грусти,

Светло пронесся звон: иных миров.

О другом, в том,

Что и так на потом,

Разве о черном котом:

Пропоем о философском хвостом:

В разные стороны! Веселее, и

кавсегда!

Пропоем обо всем,

Потому как и выбрали: сами

В тишине обозначенных олепков,

Отторгнутых небесами ---

След из света,

Уводящий след,

Единственный.

Не: облаком-дымом, а синей: стезей,

Не: розовый-серый. --- алмазовым блеском: скорее,

Устойчивым обликом плача,

Бегущей насмешкой вечности --
Пусть благословляет нас в каждом повторении!

Этот видел дорогу, тот вправе отстаивать океан,
А эти, прижавшись к холмам, -- вопрошали,
Те же и знать не хотят. Вихри, взмывайтесь и уносите!
Пуокай. благословляет нас в каждом повторении!

Полюти не: (все такое новое, как и старое,
Всегда одиноко, но ладно, поут сердца
Всех удалившихся. Вот проходишь перевертываем зорь,
Протягиваешь, к узиаванию между зеленым и теплым.
Или горячим и. и. отекающим, ибо...
Всегда ниоткуда рождается мир,
Умирает всегда никуда.
Пусть благословляет нас в каждом повторении!

Не поверить похожему научи нас, в середине
рождения!

На той стороне возможного
вбирающей стремления
Нетрудно уверять с. . . тебе
наивных,

Представляя последнюю погоню
перед (большими) взглядами

Мол: !
печальное с вами
блаженство, --

и все же ---
С вами --- блаженство!

Поистине (это так!

С нами --- блаженство.

Взрывайте!

0! 0!

Пусть благословляет нас
в каждом
повторении!

Разбивка -- плод усталости текстом

в тяге к оформительской импровизации. -- машинки пишущей,
не Редактора, не Автора...)

.....
 * .. * .. * ..
 Что же, корабль Клио уплывает все дальше.
 Выпьем, радуя флегму превращений. идеи!
 Память ослепших причалов разлуки с былым ---
 Родина для уставших. Друг,
 Учись постигать снисхождение, знай:
 Если не зверя, то брата
 Непременно во мне обретишь.

Так ли: уж гаден язык одиночества горький?
 Плеск весел, смятение чаек, дары Диониса...
 Заручаться бедою, любить до беспамятства,
 Не поддаваясь успеху,
 Верить друзьям научаясь,
 Почти что не веря, что есть таковые --- друзья, ---
 Все, что осталось нам
 В нынешнем нашем изгнании, Кири!..

.....
 * .. * .. * ..
 Как прежде дрозд поет,
 И тлеет утренний туман
 Подъяблоневого отран, ---
 Тсс! --- посмотри: в прострелы --- тени, тени, ---
 Как: оердца бог вселенский ритм кует
 У взгляда кольцевого на отмычку
 Дверей судьбы заманчивого бденья ---
 Земли: бессмертной птичка... ' (

.....
 * .. * .. * ..
 Ты: моя чужая,
 Вечно у ворот
 Мы о тобой играем
 Не наоборот

Ни конца ни края
 Дождик все идет
 Спи моя чужая
 Вечность настаёт

Радуга растает
Шаг всего шагни
Ты моя чужая
Мы с тобой одни:

Спите возле рая
Словно бы в раю
Спи моя родная
Я тебя люблю

Ничего не зная
И не первый год
Спите возле рая
Не наоборот

Ты моя чужая
По за мной иди
Я проснусь я знаю
Вечность впереди

Не видать околиц,
В цепких пустырях
Мы не станем спорить
Стоя в воротах

Так моя чужая
Мы с тобой в ладу
Спи моя родная
Я еще найду.

... КАЛЕЙДОСКОП
О Г а л е

В тот час когда заплачешь страшно вдруг
Представить как над пропастью далекий друг
Повиснет одиноко на веревке или
Что где-то облака спокойные поплыли
Нависших скал одередишь громады
Какие грезы океан вели
А за стеной волна и слову надо
Суметь не оторваться от земли
О эта ночь мятежная кружится
Гибки любовь и пуг и тишина
И взгляд мерцающий мечтающий забыться

Слезой застыть на перешейке сна
Как будто в зал вошла немая вьюга
Узор изменится воеленная усни
Мы так забыты молчаливая подруга
Отчаянные мир: до косточки узорим с с
Дай прирасти к снежинке и плезе: с
И соль сдавившей вечности вдвоем:)
На золотой волне в сумеречной красе
Сполна оквозь всхлип: и радость изопьем:
В тот час когда заплачешь навсегда:)
В ручьях исчезнет лунная тревога.)
И мы уже о уша ошли немного: ()
А на стене роятся: города)
.....
.....
.....
.....
.....

Утонуть и забыть о любви
Утомленному сердцу захочется,
Осыпая ласки твои,
На печаное дно одиночества,
Осыпая взгляды и оны,
Бирзовые шторы задернуты;
Зяфорический ритм глубины
В тишина: покачнувшейся комнаты.
Распадаются стены: и дни,
Всё р два неподвижны веками,
Мы, одни, бесконечно, одни.
Одиночество Бога над нами;

Влажноокрой улыбкой цветет
Память трав: ватонувшей поляны,
Гимн пралаи плывущий неост,
Зачарованный сон Параяны...

Утонуть, позабыть о тебе
В непроявленной страсти и воле,
Позабыть о себе и судьбе,
Будедавшей в разлуке и боли,
В отрешении крайнем обрести
Возвращение к неге оливяной,
В тайных грезах -- грядущего весть
Над зеркальной отрадой Океана...

.....
.....

Покойный взор потайной пустоты
 Преоуществляет горный луч, лия
 Опавшие во время, как цветы,
 Раздробленные сгустки неких "я":
 Казалось нам во мраке простоты ---
 Простой, нагрнет Истина Твоя,
 Что мысли о ней --- действительней, чем Ты:
 И снов Твоих уроненных края, ---
 Что нас призвал непостижимый жест,
 Как бы из запредельного выринутой:
 На дольний мир --- творение божеств,
 На божества --- видения Единого,
 Так представлялось ---, но всего лишь миг! ---
 Очнулись мы: узнать печаль свою,
 И путь ея, как первозданный крик,
 В пустыне сердца, преданный огню.
 Мы принимали исповедь коотра
 И, засмеявшись, забывали горе,
 Когда в дымах зажженных аллегорий,
 Порою представляла: кривота...

Теснились горы в утренних очах,
 И бесконечно повторялись дали,
 А мы то зыблились, то осыпались в прах,
 То снова нас из мрака излучали.

Мы собрались уже давно и можем
 Сказать, что никогда не собирались,
 Отсюда все увидели и знаем,
 Что вечно здесь присутствовали мы:
 Невдалеке от кладбища и неба,
 Разъятые эфирные сосуды
 В пространстве вмещения времен,
 В объемах, отпущенных порукой горизонта,
 Где вечный сон

Богат подбором личностей опонтанных,

По капелькам бегущих в свитки смеха.

Как память об Источнике истока,

Припрятан: зеркала доколок у любого, ---

Забываем выдавливаем слово, ---

Чья сила: вывозляет из потока, ..

Увы! когда увидели дорогу,

Мы вовсе не пролили смысла чаш,

Но тайна этих кладбищ нам открыта

И были все испробованы маски,

И были здесь придуманы слова, * ..

И открывалась ярусом бесчисленных

Вселенная --- гудящий Колизей.

Запеланая дорогу суховей,

И, как замороженные издревле,

Мы заблудились посреди ветвей.

Корнями вверх разросшихся деревьев.

Мы: --- в засаде, в тени; мы 'закроем глаза, мы уольшим

Пробужденной, в пляшках; прежде мертвую, волю сатира, ---

Это дышит под почвой, 'проглочена временем свыше,

Отречения тайна в черепках у развалин кумирен.

(Первой горстью гордись!) Над головой в паутинах

..... клубятся:

Луч --- "спектра" --- и паук над отчаяньем бабочки. ---

..... "ой!

Слышно 'память' земли: над горящими трупами: пляска

Света ль; плача ль --- :окажи?! --- и могилу:

..... судьбе своей: рой.

... В облаках ли телерь потаенные помыслы наши?

Так ли свят человек, обещающий и посух, и путь?

Тышью ранней: внемли: над огоревшими: душами пляшет

Дух чарующий смеха --- (причины его не обессудь!..

Глубже, глубже!.. Уже до оравнения с книгой раскрытой

Остается какой-нибудь век непрерывных горостей.

Слава мраку -- зарыты, тяжелой, землей позабыты.
 Воплощенные следствия неимоверных затей,
 Мы мечтали во сне посетить голубые мечети,
 Мол, уже для летучей печали прозрачны вполне...
 Глупыми! не: послушались! нет! -- убежали, как дети!
 Но ты помнишь Его? -- Он молился взошедшей луне.
 И дано лишь молчать перед ликом Хранителя транса!
 Из колодцев метафор последние: капли ушли.
 Воли: время постигнешь -- умрут караваны-протранства,
 Но чем глубже в олова -- тем уступчивей глотка земли.
 * .. * .. *

"В клетки, пошлой, игры
 Заточали твое святотатство,
 Может быть -- до поры,
 Только ты не оумел отказаться.
 Здесь терпенье твое:
 Испытает тебя, сохранит,
 Сонных цапель жилье, --
 Словно в небе: твой: взгляд заболит, --
 Странных веток: курьма,
 Напряженно ловил сердца стук,
 Видно -- что-то не так,
 Коль туманна твоя голова! --
 У туманов гряды поднебежной, --
 Только троп кочевых заповеданность,
 Только лишь, потому, что ты: -- каменный,
 Отуманенная голова!..
 На болотистом дне... Белой птицей тебя не взлететь.
 Только взор и живет: продолжается омена закатов,
 А на узкой дорожке -- встреча друзей -- разминувшись!
 Не узнали друг друга, сосредоточенны были..."
 Учитель говорил: "Наблюдайте за чередованием
 Но не считайте, что вы -- нечто отличное
 От вашего взгляда, когда уже нет вас..."

Когда же соумали болота отвоеванной провинции,
 Туманный камень был-таки вынут из грязи
 И воостановлен: во Дворце Немолчных, Благовоний,
 Как образец неоправданной горделивости,
 Учитель тогда произнес: "Разве есть из вас кто-либо,
 В оушности: отличный: от этого камня?.."

Люди молчали, Словно великое облако — с
 Обернулось камнем кризобоким,
 В овитках Колесничего превращений кочуя...
 Учитель долго потом надо мной потешался,
 А я все оказать не решался,
 Что всего-то и воспользовался он
 Тишиной, не людской... (Но мысли эти
 Я обрывал, не имея желанья выглядеть суеверным.
 Так больше мы и не заговорили. Так и разошлись
 В разные стороны. Не помню,
 Но как будто бы я казался себе добродетельным,
 Не зная, может быть, все это также смешно...

Совсем высохли собранные листья.
 Может быть, никак придется вновь
 Свейной пустыни шелковый сон озорной —
 Не оттуда ли музкой потчевали меня в Павильоне зорь?

Тени в фарфоровом шарике были забавны —
 Да и я засмеялся,
 Выхваченный из бытия второй августовской луной:
 Так далеко — как это было давно...

О голые, стекла разбиваются волны,
 И на стеклах видны их следы,
 В цепи водорослей, дом закован,
 А вокруг — только царство воды.

Полон воздуха наш аквариум стройный...
 И в нем свет голубой, голубой,
 Один этаж его — над водой,
 Другой этаж — под водой.

Слышно — сердца стучат неустанно:
 Такая стоит тишина.
 Иногда лишь доносится гул океана,
 Воли большая волна.

И еды, и питья в доме вволю,

Но кто-то раньше другого умрет:

Один из нас безнадежно болен,

А кто --- мы не знаем еще.

Внизу: кораллами дом обрастает,

Вверху океана гладь.

Так и живем, то вниз опускаясь,

То вверх поднимаясь опять.

А зимой, когда тучи над волнами вьются,

Странно видеть, что ослепится снег,

Вспоминать, что, о тобой от потопа спаслись мы,

Но не движется наш ковчег.

Дом заполнен ненужным множеством комнат,

Но в одной только окон нет.

Перед сном мы подсчитываем упорно,

Сидя в ней, сколько нам лет.

Потом признаемся друг другу, с тревогой,

Что слишком уж долгод наш подвиг.

Кто-то из нас станет богом,

А кто --- мы не знаем еще.

Видно, страшно будет ему оставаться,

О том, кто он --- некому слова сказать,

Так вот и будет то вниз опускаться,

То вверх подниматься опять.

ЭКЗОРЦИСТ

Мысль по спектру струны огинет стаяй случайных

метафор ---

Пробуждается ль жизни змея под пятой,

Бьет ли запах у звезд на полуночном куполе страха,

К солнцу текста плывя лепестковой рекой?..

У пучинных молитв пена роз отыскрится шипами,
Обладами позорища пляшется танец шута,
Но тем громче расцветенный грех не поблекнет стихами,
Чем блистательней проп низверженья с глухого листа.

Я бы мог рассказать, как в жилище безумного слова,
Бродит страшный младенец с игрушечной саблей в руке,
Как в делирийном замке от века выкрикивал в совах.
Смысл бессмыслицы смысла, и дол закипал в потолке,

Как подлец к изумлению страха умел обращаться
То покойником голым, то был господин в домино,
Как болезненно сжались в преддверьи его провокаций,
И никто из святых не заглядывал в скуки окно.

Я мечтал увести в лабиринт дерзновенного дыма: —
Необъятное диво терзало на дыбе мой дух,
И на плитах пути отчеканилась тень пилигрима
От спроста, что тайной окраины тверди потух.

Я не мог ничего! Я, быть может, еще не родился,
Как, заплакавший хохотом, трупов пространство разверз,
На донжоне, проклятья язык мой, трехмильный дымился
Под лучами затмения и все-таки в облако лез.

Капители шипели, колонны питонами стали,
Но сейчас же рассыпавшись в неизмеримейший шурф,
Мы с самими собой черепки затонувших искали,
Не бывавших время, где нас было не менее двух.

Как нас более стало, уже не припомнит кручина
Лиловеющих зарев и пурпура герба в щите,
На лавурном стекле мировая плескалась кончина,
Гнили в небе драконы и не было места мечте.

Так донныне пою среди осколков и искр несвершенья
И продаюсь, а в утренний сон входит сумрачный дождь,
Столь похож на судьбу — догорели в камине поленья —
В неразрезанной книге заманчив мерцающий нож.

Странник смеха, прощай! пилигрим неизбывного плача
 Отразился от тени, чтоб стать полутенью, и вмиг
 Вижу в око строки, как на маковом поле маячит
 Еще более жуткий и бесперспективный двойник.

О, ты помнишь ли мир из проржавленных шахмат решетки,
 Как великая конница смерти блукала в полях,
 Как слепая рапира в потемках нащупала четко.
 И, поддев за кишки, намотала на месяц твой страх?

Спектр по струнной апатии мысли развенчан ваяньем
 Саркофага любви к бездонной игре в словеса,
 И, прощаясь, уходит со свежим децница дыханьем
 Некто столь безымянный, что вытекли в травы глаза.

Он не мог ничего! Он еще не способен родиться!
 Это в добытии! Будет проклят зачтущий экспромт!
 Но атакою розов, мертвец, как младенец, подняться
 Смог по сердцу, смеясь, и вспорол вязкий мозг, словно
 торт.

Все, что будет потом, — безразлично сыскавшему угорь
 На носу бытия, ибо этот маразм не прощен,
 Ибо в этой душе полыхает нетленнейший уголь
 И кичливым свинцом аппетит этой пасти вспоен.

Может, это — театр, не подскажешь ли, шустрый ублюдок,
 Иль, урвав мертвечины, уже ты о жесте забыл,
 И, гримасы не скорчив, добычу сожрав за минуту,
 Расстелился на сцене и занавес не опустил?

Как дрожали в коврах перед поступью маленькой твари!
 Отчего не могли заручиться вдруг ритмом иным?!
 Лишь — в провал! — лупоглаз водолазом в провале.
 И и ты, да и он, и глухим продолжается мим,

И, блуждающий мимо любой оконечной идеи,
 Господин в домино поджидал возвращения нас,
 В глубочайшей из впадин под замком, как с трупиком феи,
 Мы блуждали с надеждой на смерть без прикрас.

Не могла ничего! И назначено ль будет родиться?
Кто нас вырвал сюда, как нам переступить клятвам,
Если в мертвых очах электрическим скачком резвится
Ожиданье врага, преломленного бездной призм?

Диссонанс унисона, роптавший в полуночном тигле,
Грезил в лифт Атлантиды, глумливого ила ища,
Но все так же безумен, хоть в антибезумия книге,
Мир поруганных арф по клублению дна верещал.

Как припомнить тот луч, что не хуже треклятой рапиры,
Вызревая во чреве побега поверг на прием
Долгожданных гостей для последнего черного пира,
В беспредельность зеркал и соитий за каждым углом?

Перевернутый свет ввел в фойе театрального крика,
И бессрочный билет за монету греха предложил
Полурогий швейцар с бесконечно циничной ухмылкой,
И пред статуей срама ты пал без рыданий и сил.

Кабы все это смыть — но всегда в проступающих бликах
Будет явлен соблазн, обладанья точеньем тоски,
И прощаешься ты, и торжественны зрительей гики,
И кокетливой тварью любимая из-под руки.

Принесите ж быстрее мне кубок мгновенной отравы,
Я вернусь никуда, кто придумал меня в этом сне?!
Почему это скопище рок воспевает мне славу?!
О, куда меня мчит на хрипящем и бледном коне?!

Я грызу, как змею, луч горючей звезды, вспоминая, —
О, не вспомнить! — когда утерял отраженье свое,
Это — ад, и навек! — все младенец, смеясь, набегает
И развратная статуя песню бессмертья ревет...

...Впрочем, — вправду дождливо. Сжигаю последние
строки.

Все уже прочтено и — забыто. — Прощай,
Инфернальный наперсник взмывающей пеплом дороги!
Спать пора. На земле продолжается май...

..... * .. * .. *

Как нежданно-негаданно
 Любуется счастье тобою!
 Зори светлого ладана —
 Это мир над твоею судьбою,

В домовине хрустальной
 Лежащая без движения,
 Ты с улыбкою дальней
 Идешь своего воскресения.

О царевна, о истина!
 Этот путь для страшных коней,
 Это время исчислено,
 Начиная с улыбки твоей!

В холодах помрачения
 Она — непогасшею искрой —
 Это страх воскресения,
 Это восторг очень близко!

..... * .. * .. *

В овраге памяти с тобой мы не враги,
 Пророчица, стремительная птица!
 Бессонной жажды вздох сподобится напиться,
 Заворожат в очах дождя круги.
 Захлебывающегося пути
 Мотив — и тон почти непредумышлен,
 Как песня новая грозю налетит,
 И оползут колдобины и ниши.

Дождавшись шепота луны, успокоенья,
 Кто ж этот мир потопа воплотил
 В прозрачности усталых вод над ценьем
 Таинственных и затонувших сил?...

..... : : Наверно, тот, что пел, — хотя бы невпопад,
 Хотя бы крайних строк светила безответны! —

Кто — стих, постигнувший причуды ветра,
Смятенье птиц, смертельный водопад...

Быть может, в том успех, что стих переиначит
Стрижа и ласточку у глиняных замет,
Бороздок, и пещер, и гнезд на стрелне лет
Неведомых, у мудрых русл от плача
Небесного узора немоты, —
И ты, о горний мой, опустишь на свободу
Магический размер, зашелестят кусты,
Предчувствуя большую воду...

..... ж ж ж

Летом трели заклятого круга назвать имена.
Дум кануна отлова основ, у росы многоокой —
Шумных лун зеркала, — от потоков не мутного сна,
Но от молвленной тучности лишь предстоящего рока, —
Это — зелень закаленного луга. опять повела
В струны струн, в зовы зовов крася одинокой
Лунных рун, то — глубокая мудрость отсутствия зла,
То — уловленной сущности тишь у гремящих истоков; —
Там любезная полночь тебя в колыбели качает,
Скал знакомый презубец увенчан гирляндой туч, —
Романтичнее некуда, — свиток запечатлевает
Тень на горной дороге и рифма банальна — "у круч";
Соболезнуя солнечным-кряжам. во тьме. и печали,
Заколдованный бубен, очерченный взглядом, :тянуч, —
:Безразличнее след превзыбка тропичности, — тает
День, надорванный слогом редифов сакральных,
как ключ
К свету, — и россыпь наплывов окрестных, и гон
Горя звонов, не хающих притчи на стане молитвы, —
Отболи ты укромно, как прежде! — расставлены плиты
Несть скаженность могучую, выкладывая в закон; —
Это — поступь счастливых нашествий, уклон
Горизонтов стиха от статичного, — грани размыты —
Поразлиты затоны, надежды на славу убиты,
Есть блаженность лишь куц, перекаत्याемость волн...

..... ж .. ж .. ж

На уприлице вишен уладка
Август. Кровью наполнилась кадка.
На рассвете бричка детства
Застреколет по камням,
Как поклевана по веткам
Жертва шустрым воробьям,
Окромя смороды глаз
Есть окно шестого часа,
Из лампы светит Спас
Кареглазости атласной....

Как нахло малиной в брошенном дедовском доме!
Под треск половиц не исчислишь грядущего,
В груди великана небесного круга текущего
Слагаются ливни в истоме, —

То стайка молодых облаков
Судьбы повозку провожает
В предгорья госки и блага,

И пропитается бумага
Посулом давней ворожеи
Из-позабытых слов...

..... ж .. ж .. ж

Глубоко сечёт, когда хочет,
Верхогляд — перламутровый кочет —
Звездочет на полуночной стрехе,
Часовой у летучих мышей, —

Паучиха лучит свою прыжу,
А по мечному мёрзному кряжу
Звездопада желаний прорехи
Из чердачных отверстых дверей...

Заползает за северный склон
Семицветье Ковша на заре,
Деревянный горлан окрылен

Ветерком, что омерчил на бугре.

Далеко течет — да и ночи
Вае про то — по Небесной реке
Взор, означенный на поплавке
Звездочки-непорочной.

Близко осень. В саду — ни зги.

Даже запад оставлен Зухрой.

Мальчик слышит: по крыше шаги —

Звездочеты пришли за судьбой...

.....

.....

.....

..... * .. * .. * ..

.....

Заговори в снега, где замки о зиме,

Искристый окрип в ночи и оатурналий сроки,

Мороз, и мост окользлит, и тени две во тьме,

И брызжет Сириус на северо-востоке.

Заолышь: не тить! — лишь звезды в нишах по кайме

Уже олуненного окрама..., в шоке,

Пропиты инеем ольшанники..., — немей.

Чем, рынче — уж невмочь, закованы потоки.

И только тени две под взгляды Близнецов

Качнулись, вниз сошли, как будто с чаш Весов

«Пожалуй, рифме дань, неявных над зимой», —

Очнуться близ земли-мерцавших словес; ...

Когда-то, за полночь, неся все тот же крест —

Отринуться оветил, не оовпадая с тьмой.

.....

.....

.....

.....

Есть берег ранний... И на этом берегу,

Звучит рожок, изваянный из грусти,

Его протяжный, дребезжащий гул

Играет сказку о негибнувшем искусстве.

Лишь, только, занавес ночных небес открыт —

Пронзительно-печаль великую возуший...

По радости, — как бы и впрямь гудит

Парабола ...

... Следил себя, -- и вот же так случилось,
Что не заметил, как ж, с собой, покинут,
До четверти, пройдя земную жизнь,
И очутившись пленником Долины.

Была она изведена рекой,
Давно другое, руою отскокашей,
Обрыв --- курящ, --- взбухая подо мной,
Будто над рекою в памяти оставшей
Вдруг "лопался, --- бездвижный дном отрог ---
А дерево над кручей приотилось,
К стволу которого, припавший, мог
Прислушиваться, как душа молилась...

Тоню: багровых гомон, по хребту,
Бубнях -- и царотвенным, ущельем, вопорот,
Сугубую лишь, лижет высоту,
Заря, но пуще, эинних, краоок, голод.
Во, иглу, дорога, обреченно шла,
И разделяла надвое долину,
Смеркался, монолит, оври, крыла
Корявые, сжимаю, реку, докинув...

Куда лететь? возможно, ли? Душа
Привыкла к неподвижности, как к смерти,
Но вот же здесь, пространствами, шурша,
Воё вечного, пронизывает ветер.
О, дебри окал!.. Молился, я и камень
Пронюхшими, ногами, попираю ---
Просил --- о чем? --- несвязными словами,
Молчанием, в свиду, его столь мал.

О, одинокость дерева и камня!
О, отделенность вашего всегда!
Когда, бы не, во мне, оказали сами,
Как долго возвращался я сюда!
Округ --- сплоченье оумерек, роенье

Бесстрастное. Усталость страх сомнет,
А зародившееся стихотворенье
Забудется, в обрыве пропадет; ---
Лишь я пребуду --- пульсом: созерцанья,
Или нелепым следом на снегу,
Или огнем! тоски (воплощенья,
Когда уйду... Ты ольшишь? --- чем: омогу...!

Но хлад от камня и: из бездн глухого
И грозного ущелья --- гонит прочь.

Иду за жалким отблеском бордовым,
А в спину дышит жуть, тугая ночь,
Дорога: --- вниз. И гулко вровень о: не:
Поток незамерзающий: ворчит.

Да, --- омовенье! Я еще успею,
Я дошепчусь обрывками молитвы.

И гляну: не: назад --- не: тьма: смертельна:
Но взор в нее... Богатая! луна,
Как: бы иллюминатор (корабельный, ---
О: флагман-мир, (захлёбная волна: с:
Незримых трепетов, неслышных волхвований!...
Лицо горит обветренное, ног
Уж под собой не чую, но: исканий
Все ж жажду: утолил, насколько смог...!

Прощай же все, проявленное (Богом: от):
По: вдохновенья отрова: оредь гор!
Высокая свергается дорога:
Все глубже: вниз на: полевой простор
Пустырный, мимо руд: иных --- ступени:
Холмов, а: путь еще далек, далек,
Лишь горделивых скал: слезают: тени ---
На: память: где: (как: окалы, одиноко:
О это одиночество свободны!
Вяждь: справа обрывается гора,
Чертог заката не остыл, те: оводы
Опять пронизывают до нутра.

Благодарю за то что дождалооь!

Туманный слог в ксиреновой хламиде, то

А вот и для--кострас валежника--нашлооь.

И жертвы мирной пламя: в путь заката

Взойдет, иокряоь, пусть непомерность пут

Пространств' отхлынет!.. Ужин небогатый,

Уже и звезды на небе 'прядут.

А как был 'полон 'день надежд и мыслей!

Костер' убу'убляет 'т'ьму вокруг,

Но вот 'потуху 'и вновь 'разверлиоь выси,

Иду -- 'и 'впереди 'деревья 'вдруг.

Стволы: березовой 'аллеи 'очастья!

Луна -- налева, 'оправа -- соллица 'луч

Последний в полотне 'каринной 'масти,

Теонимый тяготой 'ультрамарина 'туч.

А позади мой! образ 'остаеоя

Под 'деревом у 'каменя 'над 'рекой

---Былой.. Но верь --, душа, 'еще, 'вернется --

Всегда, 'туда -- за 'омахом 'иль 'тоокой!

Душа, 'вовек, 'вернется 'к 'желтым 'травам,

Вамываюдим, 'из 'онага 'к 'небесам

Иль 'пылким 'летом, -- так 'уже 'бывало,

Так 'будет, 'рнова, 'ибо 'вечен 'сам!

О! 'же! она 'молилаоь 'не 'напрасно!

Сума: 'не 'натрудит 'плеча 'в 'пути.

Бесстрастно 'оозерцание -- 'приотрастно,

Движение 'покоем: 'освятив...

Вернуться 'к 'траноу 'обликов, 'к 'разброоу:

Невыраженных 'чувств 'под 'тишину,

По 'вере 'воли' 'жертвенных 'покосов --

В 'Долину: 'бути, 'отранную 'отрану

Познания... Сказать, 'что 'сердца 'часть 'оста

Войти 'в 'разлад ..о 'молитвой 'и 'судьбой:

До 'мачт, 'верхов 'пронизанный, 'тобой,

Корабль-мир -- 'несокрушим 'и 'славен --

Блистательно 'проносится 'над 'тьмой...

Настанет 'день. 'ХС 'домашнего 'балкона.

Ты 'выпадешь 'в 'былые 'рубежи,

Которые покажутся грядущими.

А будет, так: дерев немногих кроны,
За: ними --- блёстки озера, --- ножи,
На: алтарё аквамарина жертву: ждущие,
Что красотой пленится. Это ты. А ветер
Еще: холодноват, но все-таки весна.
И: горы: в вечном ледяном: обете
Над озером: вдали: О: околь спркойны;
Сверкаши в распространённом: свете;
Как будто бы одни бессмертия достойны,
Как если бы: из: сбывшегося, она!..

Но взор опираясь завихряет в сердце время,
Пространство: впечатление, полет,
Невыразимого взбухающее семя ---
И всё, чего всему недостаёт...

Как если бы луну не залоняло солнце сполдня,
И ты бы в окине оей-белый шар: уврел, ---
Так из: себя ты вырвешься: сегодня,
Через Великий: перейдя Предел...

Иль --- кабы вдруг! --- вне всяческого долга ---
Текот пидигрима: Вечности: явил,
Ть и тогда бы большего: вооторга
Глубин Единого: Исхода не оносил...

--- Да, занимательно --- лишь: мити --- свершение Пути
По яви она: читай: существований
Раздался вдребезги прекрасный: лабиринт!
Не обомлей! --- постиг: так, и: гляди:
Потоки-хлны, потоки-прянь: ха-ха рыданий.
В окивании, на облаках: молитв...

...И в той: глуби, в воронке --- радости --- ты,
Горящий: верный лад! --- смятенье: собственных
Речей: как рун: грядущих: разговор,
Кремнистые, шершавые: листья,
Или набегами пейзажей: пристальных,
Чаш родников, и на шитах: далеких: близких: гор.

Нет; даже и "не о!" в зенита овет
 Врывалось шемь сердца счастливой,
 И не тошало, источенье, лепт, --
 Но неизбежное, шуршащее, курчавое
 Переливалось роц руно проказливо
 Над лепотавшей: в стьни лавоу.

То не был призывол завязшего маска
 Сказителя-создателя -- тебя с наставшего, --
 Когда лишь истину восторга знаешь ты,

И от истока околъ ни; далека
 Дорога -- выше-все, и; мглу любя, наповашую
 С недр хири и ее же: выоты...

И познавать песчанце овраги,
 И перелески в куререс отрогов
 Пути порожистого, прянувшую с даль

Ту только, что -- гляди! -- грядет о бумага,
 И расправляет крылья понемногу,
 И слог тот вечности пожертвовать не жаль.

Нет места для "увь!", не выплаканы очи, --
 О Вышний! только жизни и тепла!
 В степи небес,
 На паотбища сгоревших, одиночеств
 Тень путника: дегла,
 Но - вот: она уже, врастает в лес, --
 Тень путника здесь в лес: проникла изумрудный,
 Луч: взгляда -- в глубину -- немые чудеса:
 Ворожея-сосна и камни голубые,
 Все облики олегные --
 Неподслудны: неподоудны!
 Их видишь ты -- они тебя: ни; згиу.

...Невольнo вспоминается провал,
 Коловращенье лавы, дыма, -- грохота,
 На время свет пропал --
 И вот! нахлынул, и царит, и много так!..
 Вкруг окал -- вмывает шустрый серпантин --
 Ай, медлит шаг, оладимость глобализма! --
 И катаклизмы картин: -- пучин, долин --

Как бы былой, вышучивает призрак...

Как много оинего! а красного! Стремит
Титан из бездны судорожно руку,
Но на ладони звездочка горит,
Гигантскую развеивая окуку,
А справа и' вверху --- чуть ниже' немоты ---
Уже: и облака над пиками --- к дождю ли? ---
По скалам жадно ввысь, всползли цветы
И где-то по ту сторону, очнулись
И видят: неподвижные они,
Оранжевы --- лишь кобальт (скал оближут ---
И вновь мрачны, ' словно навечно книжны...
Расщелины мелки --- ракушки в них одни.

Туман действительно' вотупил' в свои права
И закружилась --- липок, нагл, напорист,
Поникла, жалко выхвачена, ' в горе,
Племен увядших бога голова,
А вот уж и очей не видно бога,
Чела --- густеет мгла, все серое кругом...
Еще одна: --- к чему тебе? --- дорога...
--- Ни сам он не ответит, ни никто...

Вибрирующий космос леплен словом! ---
Ему ль, бескрайнему, вести в обитель сплина:
По рухнувшим крылам, в пещеры исполинов,
Минуя перевалы слепшей кисти?
Но сколь бы ни была тропа сурова ---
Еще тоски рождение: не близко,
Проходишь мимо...

...И как бы мимо ты проходишь и идешь
В лучах росистых! сочной луговины,
Где древо повстречать не чаял уж опять,

И полубезнадежно шепчешь: "Ложь,
Не может быть --- ведь счастье самой длинной
Тропой меня назначено, догнать,

А ныне так близка святая зелень!"
И --- вниз быстрее: слетает взгляд,
--- как солнечная лань,

Взахлёб предвзохищая проявление:

Под сенью крон прозрачных!.. Птицы: жизни пели
В тот неизбывный день...

Где обозначен буйный рост отихотвореньям.

Взлёт и любовь оплели и — расцвели.

Ныне образы все павали остались,

Цветами вышли звуки из земли

И с бабочками довокуплялись.

Пошла широкая река — мотами по колено —

И плавно савань, развернутой —

Духовных тканей! — зыбь бирюзовой,

Играла пена,

Не укоряли хода спёрки волновые,

Не ожидая воплею озера иль крова

Иного, нежели благого, имени...

...Уже идя по берегу тому,

Узвать, что не отбрасываешь тени,

Осыпавшейся за перевалом,

Который павали ушел во тьму,

В глухие галерах привидений —

Да ведь там то же лазурь — те взмоут скалы!..

...О да! Уже как будто просто некто

Все по течению на олице удалялся,

Как волны череда за чередой, —

Субъект объекта и объект субъекта,

Когда под деревом от века созерцался

Любимый образ — именно такой!..

Покой!.. Нет слов, а только растворенье,

Знойно мерцание, отруение реки —

Вне сожалений, то невозвращение!

И взора так, Вотупившего смешки.

Так вот где бьется сердце всей вселенной!

Недвижно.. дерево.. Вращение — окрест.

Под ветвью свет отпал в оамозабвенье,

Чтоб кто-то вновь сюда идти воскрес.

Из Д Р Е М У Ч Е Й Л А В К И

8, 12

Последним утром в небе чёлн заметен,
 Уже зажжен огонь, уже продолжен
 Протягновенным образом, в дымах,
 Уже пробуждены — разбиты — клетки,
 Мой: облачный и никому не: должный,
 Ты погребён в пространственных очах!
 О, предоставляемый полет: над блестящим
 Парфянских блюд глазуревого солнца,
 Где частых трещинок томля глубина!..
 А боль обидет на нет, угаснут всплески
 Великих рек, а отрочек занесенных
 И вдохновенья: выдохнут до дна.
 Не будет в мире места о тебе!
 Остынут взор и слух, оставят стоны,
 Забудет бодрствовать, пудьсируя в божье,
 Ритм пустоты... Едва не отрешенный,
 Листлу лобзающий безумья ветерок
 Летит с кострищ, перепаивая прахом...
 Ты ничего на свете не: сберег,
 Лишь в смерти остав: лишешьясты страха,
 И --- танец немоты сторевших рук,
 Чей жёст протерт от края и до края —
 Ты станешь всем, что пропускает звук
 И всякий лёд бесстрастно отражает...

Кому вернуть важную свободу,
 Любовь невыносимую и путь,
 Когда темна великой жертвы оуть
 И страшен хлеб, отпущенный по водам?!..

О, тусклый месяц в небесах пустых,
 Померкнувшим святилам соплеменник,
 Затертый утром протяженья пленник,
 Шербат твой: лик и пудьло прикоробно тих.

(...Совсем уйдет, не вижу ничего, Мое: ооздание, возможно — божество...
 Когда бы вспомнить первое: желанье!.. Когда бы знать, что не было тебя..

... Ползли от обмирающих сердец,
 Из лепестков опавших --- облаками
 Едва опахнутого ими, горизонта,
 И медлили погаснуть в океанах
 Спокойных глаз Твоих...

Скорее мозаичный пол, когда-то
 Затопленный зеленым безразличием
 Волн времени, --- внезапно вспомнен зубко,
 Да память не задержится на том...

Скорее ялов не сыщут откровения:
 Постигший замолчит. А возле тучно
 Отягощенных мандариновых деревьев
 Резвилась детвора беспечно. Ручей
 Поил и льва, и антилопу,
 И лишь порой подрагивали горы
 Созданий, воплотившихся вокруг
 Исчезнувшего края возрождением,
 Вспойвшим тело молодой мечты
 Об избавлении, от утомивших ласк,
 Бессчетных солнц, песней, хрустящих яблок,
 От сумерек изветливой любви
 В горько-соленых играх расстояний...
 В порушенных сердцах любых исканий...

Так мы сидим --- двенадцать тысяч лет ---
 В Дремучей лавке, где дурманят, в знойных
 Полях возвращенные, изысканные травы,
 И так мудры, так кротко малословны
 Смешные речи наши, что ничуть
 Мы миру помешать не можем ими, ---
 И он забыл о нас, и это --- благо:
 Наедине с лазурной пустотой!
 Быть грезой вращающейся, --- знать
 Извечность в небе поползновенных знаков,
 Шурша сердец листвой непреходящей,
 Усталую бездоцным постигать
 Усмешку глаз Твоих, спокойных глаз Твоих...

* * *

У берега, на странном отголоске,
 Затеплилась пекарня бытия,
 Безглазые отхлынули моря,
 И травы хлынули, потрескивая шерсткой
 В огне исходных дён, ---
 На дне себя, ---
 У свайных волн в истоке корабля,
 Сходившего в погибель и полон
 Во храме мира жертвоприношенья,
 В семь скудных дней чистилища божеств, ---
 В захлёб хлебов на пашне перепутья
 Захлест снегов сна тащит, беспробуден...
 У берега утраченного утра ---
 На' ---

Гимн Молчания, --- себя он превозмог,
 Нагим отчаяньем слепя стон, как изрек:
 --- Возьми!..

у перечисленных дорог
 Поджаристого хлебца на дорожку...

Загадка? Но морали не ищи ---
 Всё так и было, как огнем воспето,
 Когда исхлестозванные бичи
 Лучили молнии взорвавшегося света.

* * *

Только лики прошлого, бледнея,
 Только власть изменчивой природы,
 Пауки повисли в галерее,
 Образов померкшие фигуры.

Чердака тревожащие звуки,
 Неразрывны утро, день и вечер, ---
 Милая! за что такие муки,
 Где сыскать прощение и встречу?

()

Голос упованья умер в лете ---
 И ни захлебнуться, ни напиться.

Никого не знаешь в целом овете.

Догорает главная страница.

Чаровница! Ветреница! Дура!
Будет день -- прозрачнее дыханья!

Крылья, золотые до зажима, --
Бабочка! -- в тебе мое ваянье.

Кто ж зажжет мечтательные свечи?
Отчего так розы безуханны?
Что за трепет вечности замечен,
И ночью мерцаньем осиянный?..

Может быть, плывешь в саду (бездвижном,
Сердце исцелив ли, исцарапав?
Может быть, в пыли блукая книжной,
Затерялся в немоте эстампов?..

(...то

Захлустье брошенного дома.
Мышь по коридору пробежала.
Светлая покойная иголка
Бродит по растрепанному залу.

Расправляя крылья утром рано,
На луга свой легкий путь направишь,
На остывшем лике фортепьяно, --
Бабочка! -- и ты пылью оставишь...

Ты на ладоковой лютне сыграй,
Спой, о, оветоточивое слово!
Наблюдая с балкона Китай,
Я Китаем навеки зачарован...

В той дали, где роится гроза,
Где вонзятся молнии в озеро,
Господин, мои застывали глаза

Каждой осенью.

Но настает день, настает
День, когда и песня замрет,
А мне брести, пропадать в дымах,
Как в этого грозного неба громах.

Тучи рвутся, идут, и грохочут они,
Погружая в жуткую муть,
Под панцирем неба сердце смирив,
Знаю, — ранним будет мой путь
В иные земли, в другие дни,
И осени мне не вернуть.

Я увижу чужих птиц тугие пути
Среди ранних снегов,
Господин, и мне никак не уйти
От прощанья печальных слов...

(Завиточки словес, точных образов лес
В грозном вечере, к ночи размыты, растают,
Показалось, что марионетку небес
Эзра Паунд в каталке "Катая" катает...)

Ты доверься печали-былой,
Сердце, спой на очерченной лютне пространства
В светлом доме из лунного сланца
В том размере, где плач и покой.

И тогда проречешь: завтра утром --- простор,
Под-лылающим солнцем снега дальних гор,
Но до завтрашних яркогласных лучей
Еще пропасть сегодняшних грянет дождей...

Господин! разрешите мне вам пожелать
Одиночества долгих путей,
В коем вам доведется еще повстречать
Расставание с лютней-моей...